

Научная статья
УДК 811.161.1, 282.2 (571.120) + 811.161.1, 373.4
doi: 10.17223/15617793/488/10

Лексика тематической группы «Любовь» в говорах юга Тюменской области

Елена Петровна Багирова¹, Елена Леонидовна Марандина²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
¹ bagirovaelena@mail.ru
² elipihina@yandex.ru

Аннотация. На материале говоров юга Тюменской области анализируется лексика и фразеология тематической группы «Любовь». Выявляется специфика вербального состава входящих в нее лексико-семантических групп с позиций семантики, особенностей функционирования, системных отношений между их членами, устанавливаются мотивировочные признаки наименований, определяется их способность к презентации диалектной языковой картины мира и системы ценностей диалектоносителей.

Ключевые слова: русский язык, русские говоры Тюменской области, лексика, диалектное слово, диалектная фразеология, тематическая группа, любовь

Для цитирования: Багирова Е.П., Марандина Е.Л. Лексика тематической группы «Любовь» в говорах юга Тюменской области // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 101–110. doi: 10.17223/15617793/488/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/10

Vocabulary of the thematic group “Love” in the dialects of the south of Tyumen Oblast

Elena P. Bagirova¹, Elena L. Marandina²

^{1,2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
¹ bagirovaelena@mail.ru
² elipihina@yandex.ru

Abstract. The authors interpret the vocabulary of the thematic group “Love” in the dialects of the south of Tyumen Oblast. The object of the analysis is lexical and phraseological units (over 700 units) selected by a continuous sampling method from the following sources: *Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the South of Tyumen Oblast*, *Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Tyumen Oblast*, the authors’ personal archives. The authors identify the features of the vocabulary of lexico-semantic groups from the standpoint of semantics and features of speech functioning, describe the systemic relationships between members (synonyms, antonyms, polysemy), establish the motivational features of names, reveal their ability to represent the dialect language view of the world and the value system of dialect speakers. The research is based on a lexicographic and contextual description of the verbal components of the conceptual sphere “Love”. The corpus of the analyzed thematic group is represented by private lexico-semantic groups containing complexes of designation: 1) a love relationship, 2) actions of the subject and object in a love relationship, 3) an object of love, 4) signs of an object of love, 5) actions related to a violation of fidelity in love or marriage, 6) a person who committed treason. Synonymous and antonymic relations, as well as a motivational connection, are observed between the members of the formed groups. During the interpretation of the material, the authors establish that *love* in the speech practice of respondents is thought of not only as a feeling of emotional attachment of two persons, but also as a feeling of sexual attraction to someone. As a marker of the state, the lexeme *love* and its contextual doublets (*consent*, *advice*, *friendship*, etc.) are used. Euphemisms-taboos are chosen to denote sexual relations (*deceive*, *to fall off with a guy*, *to bring down a hunt*, etc.). To denote the object of love, lexemes that define different sides of the nominee (*joy*, *sweetheart*, *lyubushka*, *drolya*) are used. The block of lexemes representing love relationships is dominated by verbs and verb-noun phrases that mark both positive (*joy*, *happiness*, *tenderness*) and negative (*jealousy*, *distrust*, *longing*) emotions of the subject. The psychoemotional state of attraction to a person of the other sex can vary in intensity and duration, have a beginning, development and end (*look around*, *come to the heart*, *fall in love*, *undead*, *go crazy*, *jealous*, *change*, *get bored*, *dry*, *cool down*, etc.). The results of comparing the material of the Tyumen dialects with the linguistic facts of the all-Russian distribution show that in the thematic group “Love” common, colloquial, vernacular and dialect proper words are combined. Most of the nominations are characterized by a transparent internal form, a clear semantic and word-formation structure, which makes it possible to consolidate the established cultural attitudes and stereotypes in the lexeme.

Keywords: Russian language, Russian dialects of Tyumen Oblast, lexis, dialect word, dialect phraseology, thematic group, love

For citation: Bagirova, E.P. & Marandina, E.L. (2023) Vocabulary of the thematic group “Love” in the dialects of the south of Tyumen Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 101–110. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/10

1. Вводные замечания

В статье рассматривается состав номинаций, представляющих понятийную сферу «Любовь» в русских говорах юга Тюменской области.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью анализа словарного состава русских народных говоров в разных аспектах, что связано прежде всего с важностью выявления по данным лексики говоров особенностей языковой картины мира, ценностных ориентиров, национально-культурных установок носителей языка. Кроме того, выделение и описание единиц лексико-семантических групп слов (ЛСГ), составляющих конкретную тематическую группу (ТГ), определение их классифицирующих признаков, установление внутренних связей в пределах ЛСГ и связей с другими группами входят в общую проблематику исследования лексико-семантической системы языка.

Задачами исследования являются: 1) определение лексического состава ТГ «Любовь» в говорах юга Тюменской области; 2) выявление ЛСГ, формирующих обозначенную ТГ, описание входящих в них номинаций с позиций семантики и особенностей функционирования; 3) установление лексико-семантических отношений между членами ЛСГ.

Объектом анализа служит лексико-фразеологический пласт старожильческих говоров юга Тюменской области, которые сформировались как говоры вторичного образования (конец XVI – середина XVIII в.) на основе различных диалектов севернорусского наречия [1. Т. 1. С. 5; 2. С. 8–9; 3. С. 27–30]. Предметом изучения стали семантика, способы образования и семантические отношения наименований в лексико-тематической группе «Любовь».

Материалом для исследования послужили лексические единицы, указанной ТГ, отобранные методом сплошной выборки в следующих источниках: 1) картотека кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (далее – КСРСГ¹); 2) лексикографически обработанные неопубликованные (рукописные) полевые записи устной речи диалектоносителей в её естественном бытовании, собранные авторами в период с 1995 по 2017 г. (далее – ЛОНЗ²); 3) «Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области» под редакцией С.М. Беляковой [1]; 4) «Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области», подготовленный Е.П. Багировой и С.М. Беляковой [2]. Составленная для исследования картотека (общим объемом более 700 единиц) содержит общерусскую и собственно диалектную лексику, позволяющую оценить состояние тюменских говоров, отраженное в лексике конкретной тематической группы.

2. Лексема *любовь* в толковых словарях

Результаты анализа данных словарей показывают, что лексема *любовь* объединяет следующие толкования: 1) чувство глубокой привязанности к кому-либо или чему-либо, основанное на общности интересов, идеалов и т.д. (*любовь к другу, любовь к Родине*) [4–7]; 2) чувство расположения, симпатии к кому-либо, привязанности, преданности (*братская любовь, любовь к людям*) [4–6, 8]; 3) чувство глубокой привязанности к кому-либо, основанное на инстинкте (*материнская любовь*) [5, 8]; 4) чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством (*несчастливая любовь, жениться по любви, первая любовь*) [4–8]; 5) о человеке, внушающем такое чувство (*Она была моей первой любовью*) [4, 5, 7, 8]; 6) интимные, половые отношения (*предаваться любви, заниматься любовью*) [4, 8]; 7) внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо (*страстная любовь к театру, любовь к работе*) [4–8]; 8) пристрастие к чему-либо, предпочтение чего-либо (*любовь к приключениям*) [4, 7, 8].

Таким образом, словом «любовь» обозначается комплекс разнообразных чувств и психоэмоциональных состояний. В русской языковой картине мира это чувство носит универсальный характер, поскольку может быть распространено на разные ситуации человеческой жизни и разнородные объекты (одушевленные и неодушевленные) (ср.: *У нас <...> четыре сестры да три брата. Мать-то их фсех шёлка любила* [ЛОНЗ]; *Я люблю цветы, у меня их много* [ЛОНЗ]; *С налёту да влюбился в меня молодой* [ЛОНЗ]; *Робетишка шёлко любила помакушку-ту* ('блюдо из размятых ягод') [1. Т. 2. С. 173] и т.д.).

В русских говорах юга Тюменской области представлен набор всех лексикографически описанных семантических компонентов слова «любовь», однако активно реализуются в речевой практике диалектоносителей лишь следующие: 1) состояние сердечной привязанности к кому-либо (*Беж жаны тьй нукуда не денешся. Люббу ёсть люббу* [ЛОНЗ]); 2) половое влечение к лицу другого пола (*Да чё грех тайть, и любобфь крутили* [2. С. 297]) и 3) собственно сам предмет влечения (любви) (*Мы со своим-то три года дружыли, любобфь моя была* [ЛОНЗ]). В настоящей статье внимание будет сосредоточено именно на этих компонентах семемы «любовь». Интерпретация иных оттенков значения – вопрос будущих исследований.

3. ТГ «Любовь» в русских говорах юга Тюменской области

Все семантические компоненты, составляющие в сельском дискурсе понятие «Любовь», выражаются

лексико-фразеологическими единицами, объединенными нами в одну тематическую группу. К одной тематической группе мы относим слова разных частей речи в связи с актуализацией в них тождественной категориально-родовой семы (архисемы). При этом тематическая группа как более широкое объединение слов включает более мелкие группировки слов – лексико-семантические группы. В узком смысле ЛСГ состоит из слов, объединенных общностью архисемы и общностью частеречной принадлежности (грамматической семы). Группировка единиц описания в нашем случае по понятийно-тематическому принципу дает возможность систематизировать слова по смысловой общности, установить их сходства и различия, выявить специфику отдельных групп и подгрупп языковых средств, входящих в общую группу.

Представляется, что в пределах названной тематической группы можно выделить следующие лексико-семантические группы слов: 1) ЛСГ «Наименования любовных отношений»; 2) ЛСГ «Наименования действий субъекта и объекта в любовных отношениях»; 3) ЛСГ «Наименования объекта любви»; 4) ЛСГ «Наименования признаков объекта любви»; 5) ЛСГ «Наименования действий, связанных с нарушением верности в любви или супружестве»; 6) ЛСГ «Наименования лица, совершившего измену».

ЛСГ «Наименования любовных отношений»

В данную ЛСГ входит лишь один ряд субститутов, группирующихся вокруг номинации *любовь*, которая, несмотря на укорененность в словесной культуре говорящего, нередко заменяется дублетами, уточняющими объем семантики доминантного слова. Например, в высказываниях респондентов часто реализуется представление о любви как о дружбе, взаимопонимании, глубокой душевной близости. Возможно, поэтому в речи информантов последовательно отражается тенденция к семантическому представлению понятия «любовь» через такие его вербальные маркеры, как *согласие, совет, дружба, симпатия, увлечение, чувство, интерес, судьба*: *Бес судьбы ы без любви – и пожалеть некому* [2. С. 35], *Взáмуи вьшла по любви. Раньше не выбирали красоту, лиж бы рабочя [КСРСГ]; Вот такó чуство пережыла. Фсэм бы так пожыла* [ЛОНЗ]; *Как расписáлся, дак как ручкой фсю любовь сняло* [2. С. 118]; *Мальчишка соседский к нашей Танке бегат. Дружба у их. Мош ы сойдуца* [КСРСГ] и др. Активное использование разнообразных номинаций, возникших на основе ассоциативных признаков лексической единицы *любовь*, видимо, объясняется тем, что «все житейские определения любви... суть метафоры, каждое из них высвечивает какую-то одну или несколько сторон, признаков явления, ими и ограничиваясь, т.е. выдавая часть за целое...» [9].

ЛСГ «Наименования действий субъекта и объекта в любовных отношениях»

Данная группа объединяет лексические единицы, репрезентирующие чувственную сферу любовных

взаимоотношений, сценарии возникновения, протекания и развития эмоционального состояния. Лексемы данной группы объединяются в семантические подгруппы (СПГ), последовательно передающие этапы развития любовных взаимоотношений – «Период ухаживаний», «Зарождение, начало любви», «Любовные переживания».

СПГ «Период ухаживаний» представлена глаголами и устойчивыми глагольно-номинативными сочетаниями, передающими этапы развития отношений: *ходить* (за кем-либо), *ходить табуном, бегать, таскаться, волочиться* (глаголы со значением ‘передвигаться, ступая ногами’); *виться* (за кем-либо), *виться вьюном, увиваться, крутить любовь, кружить голову, вертеть хвостом* (глаголы со значением ‘приводить в круговое движение; вращать’) и др. Языковые единицы, входящие в данную СПГ, включены в достаточно распространенный синонимический ряд, содержащий в большинстве своем эмоционально окрашенные общенародные слова (*ухаживать, ухажорничать, обхаживать, ухлестывать, прихлестывать, волочиться, липнуть, имарить, подъезжать, бегать, виться* и т.д.), позволяющие подчеркнуть индивидуально-оценочное отношение субъекта к объекту любви: *Я краси́ва де́вка бы́ла, па́рни за мной табуно́м ходи́ли* [2. С. 286]; *Он фсе́ за ей бе́гал, оторва́ца не мок.* [ЛОНЗ], *Мно́го ко мне мужыко́ф поде́ежжало, да то́кмо ни́кто мне окромя́ Ваню́шы не ну́жон был* [ЛОНЗ]; *Па́рни за де́фками бе́гали, проходу́ не дава́ли* [ЛОНЗ]; *Бо́льна танцева́ть любиа́. А па́рни так вили́сь акру́ж меня́. Ак вы́брала сваёва кракади́ла* [ЛОНЗ]; *А жэни́х-то мой уши́ ознобил, так за мной бе́гал* [КСРСГ] и др. Во многих случаях развитию экспрессивных оттенков в семантике слова способствует его метафоризация (ср. *ударить, липнуть, виться*).

В СПГ «Зарождение, начало любви» выделяются немногочисленные глагольные номинации, маркирующие процесс зарождения чувств. Большей частью это однокоренные разноаффиксальные глаголы с общим инвариантным значением ‘почувствовать любовное влечение к кому-либо’: *влюбиться, полюбить, облюбовать, залюбить, погляднуться, пригляднуться, вклепаться, впутаться, влопаться, привязаться, снюхаться*.

СПГ «Любовные переживания» объединяет глагольные ряды, номинирующие периоды пребывания в состоянии любви. В результате анализа фактического материала было установлено, что внутреннюю парадигматику СПГ создают пять синонимических рядов, включающих следующие глаголы и фразеосочетания: 1) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘испытывать симпатию, интерес, влечение’ (*понравиться – полюбиться – глянуться – прититься по сердцу – прититься по душе – в душу войти*); 2) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘проявлять любовь к лицу противоположного пола’ (*любить – жалеть – обожать – сохнуть – души не ведать – души не чаять*); 3) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘перестать испытывать чувство глубокой привязанности, интереса’ (*разлю-*

бить – *охладеть* – *остыть*); 4) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘испытывать эстетическое удовольствие при взгляде на кого-либо’ (*любоваться* – *восхищаться* – *сходить с ума*); 5) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘испытывать сомнение в чьей-либо верности, любви’ (*ревновать/ревноваться* – *в ревню удариться* – *приревновать* – *изревноваться* – *ревноватье делать*). Перечисленные ряды включают как слова с прямым номинативным значением и «нулевой эмоционально-экспрессивной» окраской [10. С. 71] (*любить*, *ревновать*), так и слова, обладающие коннотативным содержанием, конкретизирующим различные оттенки чувств и эмоций (*обожать*, *сохнуть*, *остыть*).

К этой же ЛСГ «Наименования действий субъекта и объекта в любовных отношениях» были отнесены лексические единицы, передающие значение физического проявления чувства: *встречаться*, *дружить*, *имариться*, *хороводиться*, *гулять* (глаголы со значением ‘находиться с кем-либо в отношениях’); *ухаживать*, *обхаживать*, *обихаживать*, *нежить*, *трястись* (глаголы со значением ‘ухаживать за кем-то’), *затосковать*, *стосковаться*, *встосковаться*, *соскучиться*, *прикучить*, *изнывать*, *в тоску удариться* (глаголы со значением ‘начать испытывать душевное томление, тоску’) и др. Все глаголы и фразеосочетания рассматриваемой группы обладают широкими возможностями взаимозаменяемости в определенных контекстных условиях: *Он ей понравился, они и сошлись* [ЛОНЗ]; *Уж больно он ей по сердцу пришёлся* [ЛОНЗ]; *Дёушка эта погленулася ему* [1. Т. 2. С. 150] и т.д.

Судя по имеющимся материалам, в данной группе преобладают глаголы и глагольно-именные фразеосочетания с положительной эмотивной семантикой (*влюбляться*, *нежить*, *миловать*, *нравиться*, *зайти в душу* и др.). Номинации с отрицательным оценочным признаком представлены меньшим количеством примеров. Так, например, в сельском дискурсе негативно оценивается склонность партнера к ревности. Возможно, это связано с тем, что ревность стимулирует возникновение таких деструктивных чувств, как неверие, ненависть, злоба, эгоистичное желание безраздельно владеть объектом ревности. Не случайно эта эмоционально-поведенческая реакция ставится реципиентами в один ряд с другими проявлениями агрессивного поведения человека (*Раньше ни драки тебе, ни пьяни, ни ревни* [1. Т. 2. С. 229]). В большей части собранных контекстов ревность осмысливается как негативное эмоциональное состояние, досадная помеха, вносящая разлад в отношения, однако обнаруживаются случаи и полярной оценки (от нейтральной до крайне отрицательной), которая зависит от эмоционального опыта опрашиваемых: *Ревновитой страшно, на шак не пускат* [1. Т. 2. С. 229]; *У меня все девёрья ревнисты, однё бабы ф кино не пойдут* [1. Т. 2. С. 229]; *Жэна у меня, ох ы ревня была!* [1. Т. 2. С. 229].

При анализе составляющих данной группы мы обратили внимание и на то, что в тюменских говорах привязанность, глубокие чувства к партнеру часто не называются напрямую, а эксплицируются во фразах, обладающих метафорической внутренней фор-

мой (*души не ведать*, *души не чаать*, *тоска ударила*, *тоска одолевает*, *сердце плачет*, *в душу вошел*, *сердце лежит* и др.). Считаем возможным рассматривать данные явления как контекстные синонимы, которые используются в качестве более приемлемых альтернатив, позволяющих точнее передать эмоциональное состояние. Сопутствующие эмоциональные переживания также вербализируются посредством метафорических образов, находящих своё выражение в лексике, описывающей симптомы болезни, душевные и физические страдания (*сохнуть*, *вянуть*, *сходить с ума*, *умирать от любви*, *изнывать* и др.). К образной парадигме «любовь – болезнь» восходят и распространенные в тюменских говорах метафорические маркеры любимого человека *бóля*, *болёшка*, *болёнечка*, *болёзка*, *болёзный*.

Нередко метафора выступает способом эвфемизации слов со значением сексуальных отношений: *охотку сбить*, *охотку содёрнуть*, *охотку тешишь* (‘утолить желание’) (ср.: *Ходь бы малёнько пожьлы вместе-то, ходь бы охотку збили* [2. С. 204]); *ляжешь* – *двое*, *встанешь* – *трое* (‘о зачатии ребенка’) (*Ана патом письмо написала: ляжши – двое, станешь – трое, патом мождт ребёначек радича* [2. С. 143]). Для избегания прямого названия половых действий респонденты могут использовать слова и выражения, абсолютно не связанные с темой сексуальных отношений, или полностью опускать маскирующие эвфемизмы-табуизмы. В первом случае смысловой контекст стимулирует реструктурирование семантического поля слова (*У нас тут одна дёушка брюшко нажыла, а потом друа дёушка тожо видно с парнем пропала <...>* [ЛОНЗ]; *Дак с мужьком жыла, дети ббыли* [ЛОНЗ]), во втором – вербальное окружение (а иногда и сопутствующая интонация) влияет на извлечение имплицитной информации, заложенной говорящим, и тем самым позволяет восстановить описываемую ситуацию (*В молодости у меня получилось так, што дружыли... ну и обманул. Сын у меня от его остался* [ЛОНЗ]; *Она з другим там... а он (муж) ей дома всё управлят* [ЛОНЗ]). Сознательное употребление иносказательного обозначения действий объекта объясняем необходимостью табуирования деликатных тем в сельском дискурсе, а также языковым тактом собеседника, его представлением об уместности и устойчивости.

ЛСГ «Наименования объекта любви»

Значительное количество предикатных оценочно-экспрессивных метафор обнаруживается среди составляющих ЛСГ «Наименования объекта любви». Например, в наших материалах выявлены субстантивные метафоры, содержащие фитонимический (ягодничка, ягодка, былинка, цветик, розан и др.), орнитальный (*голубка*, *лебедь*, *лебёдушка*, *ласточка*, *касаточка* (обл. ласточка), *голубок*, *сокол ясный* и др.) и зоонимический (*ярочка*) компоненты.

Кроме того, в качестве источника метафоры выступают абстрактные существительные (*отрада*; *любовь*, *любушка*; *душа*, *душенька*; *долёчка*, *доля*, *долюшка* в значении ‘судьба, участь’), существитель-

ные, номинирующие части тела человека (*сердечечко, сердечик; кровушка, кровиночка*), предметы окружающего мира (*золотиночка, золотицо*) и др. Приведенные иллюстрации демонстрируют наличие в ЛСГ лексем, используемых для универсального обозначения партнеров обоих полов (*ягодиночка, отрада, душа, доля*) и парных лексем, отражающих пол партнера (*голубка – голубок, лебедь – лебедушка*). Во многих случаях это оценочно маркированные номинации с прозрачной внутренней формой, которая определяет мотивы их использования в коммуникации. Обнаруженные языковые факты убеждают в том, что респонденты избирают оценочную лексику, связанную с теми компонентами живой и неживой природы, которые приобретают для человека символическую значимость. По мнению С.Л. Гурской, назначение таких номинаций – «выразить любовь, симпатию, расположение, назвать близкого человека ласково, приветливо» [11. С. 171]. Т.И. Вендина полагает, что подобные слова аккумулируют «с одной стороны, отношение субъекта к предмету своей любви, включая его собственные психологические (и даже физиологические) ощущения, а с другой – интенции самого объекта любви»; поэтому в таких обозначениях «выявляется своеобразная система ценностей традиционной духовной культуры, ибо “милым и любимым” для человека является, как правило, то, что составляет основу его жизни, всего его существа» [12. С. 247].

Большая часть обнаруженных номинаций, называющих любимого человека, является оценочными. Чаще всего средством выражения оценки выступают морфемы, вносящие оценочный компонент в значение именования (*лебедушка, ягодиночка, милёночек, душечка, молодіца, соколик*), и оценочные коннотации мотивирующего слова, которые, по справедливому замечанию О.П. Ермаковой, связаны уже с прямым значением метафорически употребляемого слова, а переносное значение лишь реализует эти коннотации (*лебедь, былинка, сокол, розан, ангел*) [13. С. 32].

Судя по имеющимся материалам, основой для возникновения номинаций, обозначающих любимого человека в говорах Тюменской области, служат как общенародные, так и диалектные слова, смысловая составляющая которых позволяет выделить следующие группы оценочных наименований:

1) номинации, обозначающие человека, к которому испытывают чувство сильного любовного влечения. Они мотивированы словом с архисемой ‘любимый’ – ‘тот, кого любят; возлюбленный, возлюбленная’ [4]: *дроля (дролька, дрóлинька)* в значении ‘любимый человек’ (мотивированы глаголом *дрóлиться* ‘гулять, проводить время с любимым’), *любушка (любавушка, любим, любимка)* в значении ‘тот (та), кого любят; возлюбленный, возлюбленная’ (мотивированы глаголом *любить*); *залётка (залёточка, залёта)* в значении ‘возлюбленный; возлюбленная’ (мотивированы переносным значением глагола *залететь* ‘попасть, влететь куда-нибудь’ [5], возможно, связанного с идеей вторжения, проникновения в чьё-то сердце); *шмара* в значении ‘любимый человек, с которым дружит девушка или юноша’ (слово мотивировано глаголом *шмарить* ‘ухаживать’ [1. Т. 2. С. 393] и т.д.;

2) номинации, называющие человека, по отношению к которому номинирующий испытывает сильные любовные переживания: *зазноба (зазнобушка), ненаглядяда, сухота (сухотинка, сухотиночка), отрада* и т.д. В приведенных иллюстрациях отмечаем отражение физиологического, физического и чувственного аспектов отношений с объектом любви. В качестве мотивирующих для данных наименований выступают однокоренные слова, известные либо общенародному языку, либо диалектным системам (ср. *зазноба* ‘предмет страстного влечения, возлюбленная’ [14. С. 314], связанное со словами *знобить* ‘о болезненном ощущении озноба, о лихорадочном состоянии’ [4] и *зазнобиться* ‘влюбиться’ [15. С. 95]; *ненаглядяда* – ненаглядный ‘дорогой, любимый’ [4]; *сухота – присушить* ‘привлечь, привязать ворожкой; приворожить’ [4] или *сохнуть* ‘худеть (от душевных страданий)’ [4]; *отрада* – отрадный ‘доставляющий отраду, приятный’ [4]);

3) номинации, передающие оценку внешних признаков и внутренних качеств носителя: *ягодка, цветик, розан, прияточка, милáш (милка, милáшка, милый, милёнок), вёшало* (‘о том, кто неотступно добивается расположения, взаимности’ [1. Т. 1. С. 107]), *вклепун* (‘влюбчивый человек’ [1. Т. 1. С. 115]) и т.д.;

4) номинации, содержащие оценку иных качеств как основы любовного чувства: *радость моя, мил друг, друг сердешный, дужанька, сударка (сударик, сударчик), ухажорка, матаня* (возможно, из мордовского языка, где в буквальном переводе означает ‘милый, ухажёр’ [16. С. 131]) и т.д.

Яркой чертой ЛСГ «Наименования объекта любви» является наличие большого числа полисемичных номинаций: *дроля* – 1. ‘любовница/любовник’, 2. ‘пользующийся чьей-нибудь любовью, внушающий кому-нибудь любовь’ [5]; *шмара* – 1. ‘любимый человек, с которым дружит девушка или юноша’, 2. ‘любовница или любовник’ [1. Т. 2. С. 393] и т.д. Многие из полисемантов демонстрируют широкое распространение семантического способа словообразования агентов, созданных от различных лексем литературного языка: *доля* – 1. ‘Часть целого’ [4; 5], 2. ‘Участь, судьба’ [4; 5], 3. ‘Любимый человек’; *былинка* – 1. ‘Стебель травы; травинка’ [4], 2. ‘Любимый человек’; *розан* – 1. ‘То же, что роза’ [4], 2. ‘Любимый человек’ и др.

Хорошо развиты в данной ЛСГ синонимические отношения, образующие большое количество рядов номинаций с совпадающим денотатом и различными сигнификатами. Доминантой такого ряда является слово семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтагматически наименее закрепленное: *любовь* – *любим* – *любавушка* – *дроля* – *залёта* и т.д. В тюменских говорах среди компонентов синонимических рядов можно обнаружить абсолютные синонимы (*любимый* – *дроля*; *ухажёр* – *матаня*); семантические синонимы, различающиеся оттенками значения (*залётка* – *любим*; *друг сердешный* – *мил друг* – *дужанька*) и эмоционально-экспрессивные синонимы (*боля* – *болечка* – *болешка*; *ухажёр* – *ухажорик* – *ухаживальщик*). Многозначное слово может входить сразу в несколько синонимических рядов.

Так, например, полисемичная лексема *дроля*, обозначающая смежные объекты действительности, маркируемые единицами одной тематической группы, может входить помимо указанного выше ряда в ряд *любовник – погульник – гулевán – блудня – блудень – потаскун*. Обнаруженные в тюменских говорах многочисленные синонимические ряды позволяют говорить о высокой степени репрезентации наиболее актуальных для языкового сознания понятий. Не случайно А.С. Герд подчеркивает, что «обилие синонимов и производных, обозначающих одно понятие в одном ареале, свидетельствует об устойчивости и важности реалии в жизни и, тем самым, может служить дополнительным источником оценки отношения говорящих к тому или иному объекту» [17. С. 65].

ЛСГ «Наименования признаков объекта любви»

В тюменских говорах данный блок лексем представлен многочисленными примерами прилагательных, оценивающих внешность субъекта и его внутренние качества (*Бойких я большиэ любила, мой-от муж был тиховатой, смиренной шыпко* [1. Т. 2. С. 306]; *Я была уха з глазами* ('бойкая') *фсе пела да плясала, а парни любят таких... Познакомились и вышла замуш за него* [ЛОНЗ]; *У их фсе робята неросляны* ('низкорослые'), *зато невесту выбираюд боле sibя* [1. Т. 2. С. 60] и др.). В большинстве случаев прилагательные лишь условно можно отнести к семантической группе с компонентом «любовь», поскольку их использование в качестве характеристик любимого/влюбленного человека во многом зависит от контекста и ситуации речи (ср.: *Дэфка-та чисто вертошара* ('легкомысленная, ветреная'), *не узнала мужыка и замуш ушла* [ЛОНЗ] и *Мужык-та чисто вертошарой* [ЛОНЗ]; *Мой первой ухажор ненавязливой* ('ненадоедливый') *был, дак я ево любила* [1. Т. 2. С. 57] и *Парнишонко-то у их ненавязливой* [ЛОНЗ]).

В тематический ряд слов с базовым компонентом «любовь» уверенно можем включить следующие номинации, характеризующие человека по внутренним качествам: *хорбша, добра, первая* ('девственная, целомудренная, невинная'), *худа, худенькая* ('потерявшая невинность'), *имаристой* ('любящий ухаживать за девушкой, добываясь её расположения'), *погуляций, заблудящей* ('гуляющий, распутный'), *мотунистой* ('нарушающий верность'): *У нас тут одна дэушка брюшко нажыла, <...> дак не добра была. <...> Если она добра, дак сразу добра, а не добра, сразу узнают* [ЛОНЗ]; *Дуги* (в упряжке лошадей) *овверчены лентой. Какá дэфка выхóдит. Ёжэли дэфка хорóша выхóдит, знáцит красной лентой, а ёсли худенька выхóдит – знáцит нищявó* [ЛОНЗ]; *Как хорóша поведёнья, так святы одёнет, а как худá – так никоó* [ЛОНЗ]; *У ей мужык мотунистой, а ужэ дэти большы* [ЛОНЗ], *Если неёста <у жениха> не первая, то посуду били слóманную, ёсли нет, то цэлую* [КСРСГ] и др.

Прилагательные, номинирующие человека по физическим особенностям, в тюменских говорах пред-

ставлены лексико-семантическими группами, оценивающими носителя по таким параметрам, как красота, рост, физическое здоровье, особенности телосложения и пр. К описываемой ЛСГ в первую очередь, как нам кажется, примыкают прилагательные с семантикой «красивый». Безусловно, физическая красота партнера в большинстве случаев не является основным фактором в складывающихся отношениях, но в период первоначального увлечения внешняя привлекательность может стать решающим критерием выбора партнера (ср.: *Бёгал за мной. А он рыжый-рыжый. И зачём он мне? У меня тогдá хорóшенький был, бёленький, высóкого рóста такой, приятенький. Хорóший парень был, красивый, кудреватый. Ну вот мы с ним и познакомились* [ЛОНЗ]; *Жэнá у Вóвы ленивая, но красивая. Он влопался в её пóушей* [ЛОНЗ]). Таким образом, в ЛСГ «Наименования признаков объекта любви» может быть выделена лексическая парадигма, объединяющая диалектные прилагательные, положительно оценивающие партнера по физическим особенностям (*бáскóй / баскуйцой / баскяйцой, приглядной, красивой* ('красивый, хороший, приятный внешним видом' [1. Т. 1. С. 41–42]), *найцкой* ('очень красивый, рослый, стройный' [1. Т. 2. С. 53]) и репрезентации с противоположным семантическим компонентом, несущим негативную оценку внешности (*невыглядной, небáскóй, неприглядной, неглядкий*). Последние нередко используются для подчеркивания важности внутренних качеств партнёра в сравнении с внешними: *Невыглядной жэних-то был, но разворотливой* [ЛОНЗ]; *Хозяин мой был небаскóй, но я ево любила* [КСРСГ].

ЛСГ «Наименования действий, связанных с нарушением верности в любви или супружестве»

У всех членов данной ЛСГ отмечается отрицательная оценочная коннотация. Как правило, отрицательная оценка факта нарушения верности реализуется в не-прямых фразеологических номинациях, характеризующих поведение партнера: *Маринка завела шашни ж жэнáтиком* [КСРСГ]; *Разошлись, за волей пошла дак* [КСРСГ]; *Муж за волей ходил* [ЛОНЗ]; *Матáня белая / зачём измену зделала? / со мной не рассытáлася / з друим зауплетáлася* [ЛОНЗ] и др. Обычно ключевое слово в подобных фраземах имеет значение передвижения в пространстве: *ходить на сторону, по стороне ходить, ходить стороной, по бабам таскаться, ходить по сударкам, от дому отбиться, сбиться с доброй путё, сбиться с пути, за волей ходить* и др. В народном представлении, таким образом, нарушение верности неразрывно связано с мотивом изменения места: для счастливо сосуществующих супругов пространственным ориентиром выступает общий дом, а человек, склонный к измене, всегда стремится нарушить границы своей территории, освоить чужое пространство [18. С. 47–56; 19. С. 483]. Не случайно для обозначения человека распутного, склонного к супружеской измене, чаще избираются негативно-оценочные образования, созданные на базе глаголов движения: *погульник, гулевán / гулевánка, блудня, блудень*.

Систематизация слов внутри указанной лексико-семантической группы наглядно демонстрирует наличие в ней разнообразных синонимических рядов, доминантой которых выступают наиболее употребительные, семантически наименее содержательные и стилистически нейтральные слова, например, *гулять* – *таскаться* – *шляться* – *шмарить* – *блудить* и т.д. Каждая следующая единица ряда отражает новый дополнительный признак, новые характеристики и оценки события, зафиксированные в слове номинатором. Синонимы таких рядов могут не только характеризовать измену как таковую, но и передавать отношение говорящего к поступку: *завести подружку (друга)* – *водить (заводить) дружбу* – *крутить романы* – *любовь заводит* и др. (профилируется идея не-предосудительности таких отношений между людьми); *шашни водить* – *по бабам бегать (таскаться, балахры́стить)* – *сбиться с доброй путе* – *баб менять* и др. (профилируется идея социальной неприемлемости такого поведения): *Стáрый ужэ по ба́бам-то балахры́стить!* [ЛОНЗ]; *Муш-та пришёл с вайны, свáдьба была́. Я жы дэ́вачка была́, дэ́вачка неплоха́я, не кака́я-нибудь бэ́гая. По парня́м не бэ́гала, не гуля́ла.* [ЛОНЗ]; *Подру́гу себе́ завёл. А подру́га не денна́я, а ночна́я* ('любовница' [2. С. 214]) [ЛОНЗ]; *Ша́шни з ба́бами водил. Нэ́рвы мне поистрепа́л. А пото́м говори́т, дава́й зачнё́м жы́ть по́изнову, сойдёмся.* [ЛОНЗ]; *Я ця́слива дитя́м. Оне́ у меня́ не пья́ницы. Два сы́на и две до́чери. А што б гуля́ли или пі́ли – нет! Ни оди́н з до́брой путе́ не зби́лся. Выли́ваць-то вылива́ют. Но вре́мем и но́рмой* [ЛОНЗ]; *С мужэ́м-то фсево́ трі́ го́да про́жыли. Загуля́л, з друго́й ушёл <...> Меня́л, меня́л ба́б да и наменя́л, два́цэть оди́н го́т как уш у́мер.* [ЛОНЗ].

Многие лексемы указанной ЛСГ полисеманты: *гулять* – 1. 'ходить для отдыха, удовольствия; прогуливаться' (*Не́ковды бы́ло гуля́ть-та, ро́бить на́до было.* [КСРСГ]), 2. 'веселиться, развлекаться' (*Сва́рбу гуля́ть на́до* [КСРСГ]), 3. 'находиться в любовных отношениях, встречаться' (*Я фсе́ расказа́ывала: каг гуля́ли, как шма́рились.* [1. Т. 2. С. 393]), 4. 'изменять жене или мужу' (*Он шы́пко гуля́л, по сторо́не ходи́л, я́ с ни́м разошлáсь.* [КСРСГ]); *шмарить* – 1. 'гулять, встречаться' (*Ра́ньшэ́ не шма́рили, как ця́с.* [1. Т. 2. С. 393]), 2. 'ухаживать' (*Он за мно́й до́лго шма́рил, го́да трі́.* [КСРСГ]), 3. 'изменять жене или мужу' (*Гуля́ли с ба́хтером, это́ с па́рнем, со шма́рой* (любовником) *шма́рили.* [КСРСГ]) и др. Многозначные слова могут входить в несколько синонимичных рядов разных ЛСГ, участвуя в каждом из них только одним значением.

ЛСГ «Наименования лица, совершившего измену»

ЛСГ «Наименования лица, совершившего измену» объединяет номинации, обозначающие человека распутного, склонного к супружеской измене. Как правило, это негативно-оценочные образования, созданные на базе глаголов движения: *погу́льник*, *гулева́н/гулева́нка*, *блудня*, *блуде́нь*. Обычно

эмоционально-оценочная характеристика заложена в самом производящем слове (*блудня*, *блуде́нь* 'гуляющий, очень распутный человек' от *блудить* – 'вести распутную половую жизнь' [5]), однако отмечаются случаи образования слов с негативной окраской от абсолютно нейтральных лексем. Так, нейтральный глагол *дрóлиться*, известный в говорах в значении 'гулять, проводить время с любимым', стал мотивирующим для распространённого во многих населённых пунктах слова *дрóля* ('любимый человек'), которое в отдельных коммуникативных ситуациях употребляется для обозначения любовника или любовницы: *Вы́шла за́муш, а у него́ была́ дрóля, че́рес по́ле бэ́гал к не́й. Или́ ты́, хоро́ший-хоро́ший, а дрóлю завёл* (здесь в значении 'любовница') [1. Т. 1. С. 211].

Отрицательная оценочность слова может задаваться контекстным окружением или интонацией. Так, контекстуальная информация влияет на формирование негативных коннотаций у нейтральной в тюменских говорах лексемы *бахтёрка* ('невеста'): *У ево́ жана́ заберэ́менила и бахтёрка* (здесь в значении 'любовница') [1. Т. 1. С. 44] (ср.: *Невэ́ста до свáдьбы, пэ́рет свáтанием звалáзь бахтёркой* [1. Т. 1. С. 44]). Взаимодействие контекста и слова наблюдаем в следующем речевом отрезке: *До́чка у меня́ трепли́на* ('легкомысленная'), *сама́ мужука́ своёва́ не дождалáсь* [1. Т. 2. С. 301]. Здесь вербальный контекст выступает фоном, на котором лексема *трепли́на* демонстрирует возможность иного ее прочтения: *трепли́на* – не просто легкомысленная и несерьёзная, но еще и не оправдавшая доверия, неверная, ненадежная.

Дополнительную субъективность и экспрессивность оценки позволяют передать средства словообразования. Например, суффикс *-ишк-* придает уничижительный коннотативный оттенок значения стилистически нейтральному в говорах слову *бабёнка* ('женщина' ср: *Собрали́зь дефчэ́нки, бабёнки, пою́т.* [КСРСГ]; *Она́ бабёнка-то робота́юща.* [КСРСГ]) и *Отпра́вилса́ з бабё́нчишке́ з дво́йм дитя́м, а сво́их оста́вил, стрехле́й.* [1. Т. 2. С. 293]).

Внутри данной ЛСГ выявлены синонимические ряды с прямыми номинациями субъекта, принимающего участие в ситуации измены и переносными: *измени́к* – *измени́цик* – *гулева́н* – *погу́льник* – *блудня* – *блуде́нь* – *потаскун*; *измени́ца* – *измени́цица* – *блудня* – *гулева́нка* – *потаску́ха*; *любовник* – *полюбовник* – *хахаль*; *любовница* – *полюбовница* – *шмара* – *дрóля* – *бахтёрка*. Единицы данных парадигм объединяют многочисленные разнокорневые (*любовник* – *хахаль*) и однокорневые разноаффиксные синонимы (*любовник* – *полюбовник*), различающиеся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской. Значительная часть слов мотивируется глагольной лексикой и характеризует человека как активного деятеля.

Многие лексемы данной ЛСГ являются полисемантами, поскольку обозначают смежные объекты действительности, маркируемые единицами одного лексико-семантического поля. Например, лексемы *дрóля*, *бахтёрка*, *шмара*, представленные в ЛСГ «Наименования объекта любви», одной из сем входят в ЛСГ «Наимено-

вания лица, совершившего измену». Отдельные полисеманты могут входить в разные ТГ. Например, лексема *доля* (*дóлечка, дóлюшка*), известная словарям в значении ‘судьба, участь’, входит в ТГ «Любовь» и в ТГ «Судьба». В тюменских говорах это не единственный вербальный маркер, входящий в упомянутые выше группы. Так, например, выбор второй половины респонденты определяют как выбор судьбы (*найті себе судьбу* – ‘найти вторую половину’), а принятие решения о замужестве воспринимают как судьбоносное событие, предопределяющее дальнейшую жизнь: *И говоріт матері: «Он меня зговариват взамуш». А мать-то говоріт: «Поежжэй, мójэт там ы судьба»* [ЛОНЗ]; *Потом я нашла себе судьбу. Он стал сапожником, как вмести стали жить...* [2. С. 164]. Таким образом, в народном сознании любовь мифологизируется, являясь частью воплощений судьбы (доли).

Заключение

Любовь в диалектной языковой картине мира (на примере русских народных говоров юга Тюменской области) представляется как сложное явление внутренней жизни человека, значимый феномен эмоциональной сферы, проявления которой не принято выражать явно. Именно поэтому доминантная лексема *любовь* очень часто пересекается по смыслу с такими смежными номинациями, как дружба, согласие, симпатия, взаимопонимание, привязанность, увлечение и т.д.

Любовное чувство и объект, на который оно направлено, в диалектной среде оцениваются чаще положительно (убеждает в этом многообразие оценочных вариантов номинаций самого чувства и его объекта), а также позитивно оценивается устойчивость и неизменность чувства (особая актуализация чувства в рамках семейных отношений). Отрицательной оценки и порицания заслуживают такие морально-нравственные антиценности, связанные с представлениями о любовных отношениях, как недоверие, ревность, вмешательство в чужую семейную жизнь, нарушение верности. Имеющиеся контексты отражают распространенное мнение респондентов о том, что только соблюдение установившихся правил в общении между мужчиной и женщиной позволяет создать крепкие и счастливые отношения, а их любое нарушение приводит не только к разрыву, но и к несчастливой жизни в дальнейшем (*Как к той бабе-то ушол, даг жысь у нево пошла недоладом, кувырко́м* [ЛОНЗ]).

Зафиксированные авторами лексемы и фраземы образуют объемную тематическую группу «Любовь», которая состоит из нескольких лексико-семантических групп и семантических подгрупп, отражающих представления респондентов о наиболее важных составляющих любви: отношения (чувство), участники (субъект и объект чувства), причина (внутренние и внешние характеристики субъекта и объекта любви), действия, характеризующие отношения (этапы развития отношений: период ухаживаний – зарождение любви – любовные переживания), поведенческая характеристика (ревность; тайная и явная лю-

бовь; любовь взаимная, связанная с привязанностью друг к другу (обычно любовь в браке) и внебрачные отношения, связанные с кратковременными увлечениями; нарушение верности) и т.д.). Отличие вариантного (диалектного) от инвариантного (общенародного) идеографического пространства понятия «Любовь» состоит в более широкой системе эмоциональных, образных и экспрессивно-оценочных репрезентантов описываемого чувства.

Интерпретация фактического материала в сопоставлении с общерусскими языковыми фактами отчетливо показывает, что тематическая группа «Любовь» в региональном дискурсе имеет богатое лексическо-фразеологическое наполнение и объединяет общеупотребительные слова, функционирующие в литературном языке (*влюбиться, полюбить, понравиться*), разговорные (*снюхаться, приглянуться, влочься, увиваться*), просторечные (*блудить, таскаться*) и собственно диалектные, имеющие ограниченную территорию распространения (*шмариться, дrolиться*). Большая часть исследованных номинаций характеризуется прозрачной внутренней формой, ясной семантической и словообразовательной структурой, которые позволяют закрепить в лексеме сложившиеся культурные установки и стереотипы.

Между членами сформировавшихся ЛСГ выявлены синонимические и антонимические отношения, а также мотивационная связь. Описываемые ЛСГ характеризуются широко развитой синонимией, которая ориентирована на более точную передачу коммуникативных интенций говорящего. Одновременное употребление нескольких синонимов может быть связано с необходимостью уточнения (нередко происходит посредством прояснения внутренней формы слова), устранения повторов в речи, передачи дополнительных оттенков смысла и акцентирования внимания адресата на нюансах. Распространенность в тюменских говорах синонимических связей слов отражает тенденцию диалектоносителей к детальной проработке понятийной сферы «Любовь».

Антонимические пары в наших материалах представлены меньшим количеством примеров. Мы можем с уверенностью говорить о том, что в тюменских говорах оценочная полярированность присуща вербальным рядам, выражающим следующие значения: ‘перестать испытывать чувство глубокой привязанности, интереса’ и ‘испытывать симпатию, интерес, влечение’; ‘девственная, целомудренная, невинная’ и ‘потерявшая невинность’; ‘гуляющий, распутный’ и ‘верный’; ‘красивый, хороший, приятный внешним видом’ и ‘некрасивый, неприятный внешним видом’. Антонимические пары, выступая средством выражения контрастности, позволяют вовлечь в речевую ситуацию такие средства, которые создадут необходимую экспрессивность и тем самым реализуют коммуникативные задачи говорящего.

Обращает на себя внимание и такая яркая особенность анализируемого лексико-фразеологического пласта, как наличие большого числа полисемичных номинаций. Как правило, источником полисемии

служит метафора, образованная на базе лексики разных сфер: предметной, природной, бытовой и др. Активное использование в говоре метафорических наименований связано с тем, что метафора входит в

состав традиционных способов выражения эмоций и оценок, построенных на сопоставлении признака объекта метафоры с одним и тем же признаком субъекта метафоры.

Примечания

¹ КСРСГ – Картотека словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета).

² ЛОИЗ – Лексикографически обработанные неопубликованные (рукописные) записи, произведенные авторами с целью изучения русских говоров Тюменской области (личные архивы авторов).

Список источников

1. Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области: в 2 т. / под ред. С.М. Беляковой. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014. Т. 1. 400 с.; Т. 2. 516 с.
2. Багирова Е.П., Белякова С.М. Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2020. 356 с.
3. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. 264 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1–3 / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.; Т. 2. 736 с.; Т. 3. 750 с.
5. Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энциклопедия ; ОГИЗ ; Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 18.03.2022).
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. 739 с.
7. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2004. 1536 с.
8. Большой академический словарь русского языка : в 24 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2008. Т. 9. 658 с.
9. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград : Перемена. 2003. С. 189–208. URL: <http://lincon.narod.ru/love.htm> (дата обращения: 18.03.2022).
10. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта ; Наука, 2008. 464 с.
11. Гурская С.Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в Ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. Филология. 2009. № 1 (58). С. 171–175.
12. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2007. 336 с.
13. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : КГПУ, 2005. 202 с.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд. М. : Русский язык, 1999. 624 с.
15. Словарь русских народных говоров : в 49 т. М. : Наука ; Л. : Наука, Ленинград. отд.-е, 1974. Т. 10. 388 с.
16. Москвичёва С.А. Традиционные наигрыши Тамбовского края: «Матаня»: Жанровая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 5 (19): в 2 ч. Ч. 1. С. 131–136.
17. Герд А.С. Введение в этнолингвистику : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ ; Языковой центр, 1995. 86 с.
18. Кучко С.В. Русская диалектная лексика со значением измены в любви : семантико-мотивационный аспект // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 479–498.
19. Малькова Я.В. Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 47–56.

References

1. Belyakova, S.M. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoj oblasti* [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the South of Tyumen Oblast]. Tyumen: Tyumen State University.
2. Bagirova, E.P. & Belyakova, S.M. (2020) *Frazeologicheskij slovar' russkikh govorov Tyumenskoj oblasti* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Tyumen Oblast]. Tyumen: University of Tyumen.
3. Belyakova, S.M. (2005) *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoj oblasti)* [The Image of Time in the Dialectal Picture of the World (On the material of Russian old-timer dialects in the south of the Tyumen region)]. Tyumen: Tyumen State University.
4. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–3. 4th ed. Moscow: Russkij yazyk; Poligrafresursy.
5. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ; Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. [Online] Available from: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (Accessed: 18.03.2022).
6. Chernyshev, V.I. (ed.) (1957) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Kuznetsov, S.A. (2004) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
8. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2008) *Bol'shoy akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 9. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
9. Vorkachev, S.G. (2003) *Kontsept lyubvi v russkom yazykovom soznanii* [The Concept of Love in the Russian Linguistic Consciousness]. In: Leont'evich, O.A. (ed.) *Kommunikativnye issledovaniya 2003: Sovremennaya antologiya* [Communicative Research 2003: Modern Anthology]. Volgograd: Peremena. pp. 189–208. [Online] Available from: <http://lincon.narod.ru/love.htm> (Accessed: 18.03.2022).
10. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2008) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow: Flinta; Nauka.
11. Gurskaya, S.L. (2009) *Imena sushchestvitel'nye obshchego roda, nazyvayushchie lyubimogo cheloveka v Yaroslavskikh govorakh* [Nouns of the general gender, naming a loved one in Yaroslavl dialects]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik. Filologiya*. 1 (58). pp. 171–175.
12. Vendina, T.I. (2007) *Iz kirillo-mefodievskogo naslediya v yazyke russkoj kul'tury* [From the Cyril and Methodius Heritage in the Language of Russian Culture]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.

13. Ermakova, O.P. (2005) *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of the Language]. Kaluga: Kaluga State Pedagogical University.
14. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremenno russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Filin, F.P. (ed.) (1974) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 10. Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
16. Moskvicheva, S.A. (2012) Traditsionnye naigryshi Tambovskogo kraia: "Matanya": Zhanrovaya kharakteristika [Traditional tunes of the Tambov region: Matanya: Genre characteristics]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (19). Part I. pp. 131–136.
17. Gerd, A.S. (1995) *Vvedenie v etnolingvistiku* [Introduction to Ethnolinguistics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; "Yazykovoy tsentr".
18. Kuchko, S.V. (2017) Russkaya dialektnaya leksika so znacheniem izmeny v lyubvi: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Russian dialect vocabulary with the meaning of betrayal in love: semantic and motivational aspect] *Slavyanskiy al'manakh*. 3–4. pp. 479–498.
19. Mal'kova, Ya.V. (2019) Sopernichestvo v lyubvi v zerkale dialektnoy leksiki (na materiale govorov Russkogo Severa) [Rivalry in love in the mirror of dialect vocabulary (based on dialects of the Russian North)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 3 (11). pp. 47–56.

Информация об авторах:

Багирова Е.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

Марандина Е.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: elipihina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.P. Bagirova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

E.L. Marandina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elipihina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 25.03.2022;
approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 31.03.2023.*